

ЛЮБОВЬ
ИНТРИГА
ТАЙНА

ГЕОРГИЙ
ЛАНСКОЙ

БЕГИ, АЛИСА!

Георгий Александрович Ланской

Беги, Алиса!

Серия «Любовь, интрига, тайна»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51864000

Беги, Алиса!: Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-112462-5

Аннотация

Алисе удалось обвести всех вокруг пальца и сохранить наследство, полученное после смерти мужа-бизнесмена, хотя на него претендовали многие. Чтобы обрубить следы и остаться легальной хозяйкой миллионов, она решила фиктивно выйти замуж за иностранца и получить европейское гражданство. Выбор пал на Португалию. Блуждая по барам Лиссабона, Алиса познакомилась с будущим мужем – Деметриу Мендесом. Но ее относительно спокойная жизнь прервалась, когда Деметриу убили прямо в их квартире. Похоже, над ней висит проклятие черной вдовы, ведь это уже не первый мужчина, который умер из-за того, что оказался к ней слишком близко...

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Синее	11
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Георгий Ланской

Беги, Алиса!

© Ланской Г., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

*...А у меня душа война,
и пускай я в поле одна.
Пока моя правда жива –
я двигаюсь к цели, мама!*

ЯАВЪ. Один в поле воин

Пролог

И тут упрямая женщина делает еще одну попытку.

Ее ногти содраны почти до мяса, кровь стекает по ладоням. Там, за пределами металлического гроба, в котором лежит ее скрюченное тело, голосит ночной Лиссабон, далекий и равнодушный. Где-то на ночных улицах, в районе Байрру Алту, сотни разгоряченных тел извиваются в причудливых танцах, сжимая в руках бутылки с пивом. Из динамиков клокочут басы, расплющивая ночь тысячами молотков. Люди подпевают, прыгая и поднимая кверху руки, обнимаясь, целуясь и прижимаясь друг к другу горячей липкой кожей. Насколько хватает глаз, всюду разгуливающие парочки, бары, снующие туда-сюда официанты, туристы с алчно открытыми ртами. Все они впитывают жаркую ночь, стараясь насладиться каждым мгновением. Никто не думает о другой, скрытой жизни, где царят иные правила и кто-то умирает прямо сейчас.

Упрямая женщина воеет, из последних сил бьет скользкими ладонями в крышку гроба, и та – о чудо! – приоткрывается на сантиметр, впуская тонкую струйку прохладного воздуха, так контрастирующего с бензиновой вонью, которой ей приходилось дышать до сих пор. Этот воздух настолько резкий, что в первое мгновение женщина задыхается и начинает кашлять, не в силах поверить своему счастью, а затем, удво-

ив усилия, упирается ладонями в металл.

Багажник разбитого автомобиля, в котором она находится, открывается. Автомобиль опрокинут набок, оттого женщина лежит в нем вверх ногами. Женщина вываливается наружу некрасивым кувыркком и ахает от боли, испуганно прикрывая рукой рот. Упрямая женщина боится, что ее услышат, но рядом никого. И тогда упрямая женщина встает: сперва на четвереньки, мотая головой, как пьяная, а затем поднимается на ноги, кренясь набок и прижимая к нему руку. На белой блузке расплзается багровое пятно. Упрямая женщина озирается по сторонам, но не видит никого, кто может прийти на помощь. Дымящийся автомобиль издает странные предсмертные хрипы. Дорога засыпана крошкой битого стекла. Женщина смотрит на все это мутным взглядом, не понимая, почему видит все в красном свете.

Вместо того чтобы бежать от машины прочь, она делает несколько неверных шагов к водительской двери, но не доходит до нее и падает. Затем она снова поднимается и идет, держась за машину. Каждый шаг дается ей с большим трудом, и она все время встряхивает светлыми волосами, перепачканными грязью и кровью, и, кажется, не совсем понимает, куда идет и зачем. И она снова падает лицом вниз, едва успев подставить израненные руки, чтобы не разбить лицо. Перевернувшись на спину, она всхлипывает – больше от злости, чем от боли. До нее не сразу доходит, что она не может удержать равновесия, потому что на ней всего одна туфля.

Небо давит на нее своим куполом, одинокий серп луны качается и плавает в черном полотне, расплываясь в неясное пятно, с красными пятнами. В нос бьет запах бензина и немного моря с доков Санта-Аполонии. Женщина касается пальцами раны на боку, и боль приводит ее в чувство. Она снова встает, шипя проклятия, сбрасывает туфлю и, поднявшись на цыпочки, заглядывает в салон машины. Тьма не позволяет ей ничего увидеть, и тогда женщина зло трет глаза грязным кулаком. Кровь течет по ноге, но она не обращает на это внимания.

Фонарей поблизости нет, катастрофа произошла в самом неудобном или – как посмотреть – наоборот, удобном месте. Нет помощников, но нет и свидетелей. Это первое, о чем думает упрямая женщина, и сама ужасается от своих мыслей. В голове слегка проясняется, и она, шурясь, пытается увидеть, есть ли в салоне хоть кто-то живой. Ее нога наступает на плоский предмет. Женщина опускает глаза и видит телефон с разбитым экраном. Подобрал его, она пытается реанимировать гаджет, но тот безнадежно испорчен, и она бросает его обратно.

В этот момент из салона доносится глухой стон.

Женщина отскакивает в сторону. Человек в машине снова стонет так, что кровь стынет в жилах, и начинает возиться, пытаясь избавиться от удерживающего его ремня безопасности. Не в силах что-то предпринять, женщина в ужасе смотрит на машину. Человек начинает изрыгать проклятия, за-

пах бензина заполняет все вокруг. Небо Лиссабона смотрит вниз, ухмыляясь окровавленным ртом кривого полумесяца, догадываясь, что сейчас произойдет.

Женщина видит, как на пробитом брюхе машины пролетает искра, за ней еще одна. Синий язык пламени медленно превращается в волну, наливаясь оранжевым. Огненная лужа обжигает ее ноги. Женщина, как лань, прыгает в сторону, неуклюже взмахивает руками и валится в канаву. Пламя, сине-рыжая лисица-мутант, бросается на добычу и начинает жадно лизать борт искореженного автомобиля. Дым поднимается кверху. Человек внутри еще не успел почувствовать смертоносного жара, но в отражении уцелевшего зеркала он видел все, включая женскую фигуру, что вырвалась из заточения.

И тогда он начинает кричать – истошно, переходя на визг. Мужчина кричит так несколько секунд, пока пламя не добирается до пробитого бака, а затем перевернутый автомобиль на миг исчезает в огненном шаре.

Женщина лежит в канаве и смотрит вверх. Из ее глаз текут слезы, но она их не чувствует. Волна адреналина, поддерживавшая ее несколько минут, схлынула, опустошив организм без остатка. Ноги лежат в луже, оставшейся после недавнего ливня, и трава щекочет опаленную кожу. Луна отражается в глазах женщины, а раненый бок постепенно немеет. Женщина с вялым равнодушием думает, что, возможно, умрет от кровопотери. Осознав это, она закрывает глаза, слишком

уоставшая для борьбы, принимая свою грядущую смерть смиренно. Все, что она хочет сейчас, это вспомнить что-то хорошее.

Перед ее глазами начинает мелькать вереница образов. Поначалу она, слабо улыбаясь, видит лицо лысеющего мужчины средних лет, глядящего на нее с любовью и нежностью, затем плутоватую мордашу юной девушки. Ее сменяет строгий чопорный профиль старухи, за ним пожилой аристократ со сворой ротвейлеров и молодой мужчина с взглядом диснеевского олененка. Но после улыбка сползает с лица женщины перед иными образами: угрожающими и хищными. Они как гиены цепляются за ее сознание, не собираясь отпустить, готовые утащить в ад за совершенные грехи. Их голодная ярость пробуждает женщину, и кровь вновь закипает в ее жилах, толчками выплескиваясь наружу из открытой раны, и она, шипя, зажимает ее ладонью.

Стиснув зубы, упрямая женщина, освещенная пламенем, выбирается на дорогу и идет прочь от пылающего автомобиля по направлению к городу. Голодных призраков прошлого она отбрасывает прочь. На черной дороге еще долго виднеется ее силуэт, но к моменту, когда к месту аварии подъезжают полицейские, недавней пленницы уже след простыл. Судмедэксперт найдет в машине сгоревший труп мужчины и даже сможет определить его личность, неоднократно появлявшуюся ранее в криминальных сводках. Полицейский из дежурного экипажа обнаружит на обочине одинокую туфельку

на высокой шпильке, запачканную кровью, и четверть часа не слишком усердно будет искать еще одну жертву катастрофы, но так и не найдет.

Только один человек догадается связать сгоревшего мужчину и пропавшую женщину, только он будет знать, где она прячется. И тогда он нанесет ей визит.

Если, конечно, она еще жива.

Часть 1. Синее

Музыка из бара напротив была в уши так, что я морщилась. Музыканты старались, наяривая популярный хит, но сегодня что-то намудрили со звуком, отчего из динамиков доносился просто лай. Взмыленные официанты сновали туда-сюда, старательно улыбаясь, хотя вряд ли чувствовали что-то кроме желания как можно скорее вынырнуть из гама в спасительную тишь улочек Лиссабона, подальше от вокзала Санта-Аполонии, куда приходили жаждущие оттянуться на выходных. Разгоряченные тела местных и залетных туристов разогревали душную ночь до тропической жары. Воздетые руки с зажатými в них бутылками пива лишь расплескивали эту жару, смешанную с децибелами, по всей улице. Толпа скандировала нечто смазанное, неразличимое, как громкие вздохи, сопровождаемые вскриками, визгом и улюлюканьем. Стрелки часов уже перевалили за полночь, но люди только прибывали. Пятница на всех тусовщиков действовала одинаково. Смесь запахов пота, марихуаны и духов прилипала к коже намертво.

Небольшое открытое кафе – паштелария на местном, – где я сидела, не пользовалось таким успехом, как бар напротив. Это был один из немногих открытых баров с живой музыкой среди заброшенных в восьмидесятых складских ангаров у вокзала. Здесь было тесновато, музыканты орали в микро-

фон свои песни на маленьком пяточке у барной стойки, их то и дело задевали плечами посетители, но в целом атмосфера складывалась будоражащая, чего, собственно, и надо молодежи и туристам, которые решали вкусить настоящей Португалии и дорвались до мест, далеких от привычных туристических маршрутов. Вся толпа, трижды увеличенная висящими на стенах зеркалами, клубилась, стекая на тротуар, как необузданная река. Когда люди на мгновение расступались, я видела отражение витрины своей паштеларии и иногда собственный силуэт, кривой и зыбкий, как призрак. Зеркала бара, казалось, впитывали с жадностью ненасытного монстра чужое веселье, фальшивые и искренние улыбки, накрашенные губы и хищные смоки-айс вечернего макияжа, мимолетные объятия и жаркие поцелуи, горячечный секс в темных закутках и туалетах, когда наркотики и спиртное позволяли забыть о морали. Зеркала глядели и запоминали, чтобы потом, в утренней людской дреме обмениваться впечатлениями.

Кофе почти остыл, слоеную булку я оставила без внимания, разглядывая происходящее напротив и чувствуя, как во мне уже привычно вспыхивает волна раздражения.

Взмыленный бармен, невысокий, тоненький, с гривой вьющихся черных волос, на мгновение остановился около высокого крепкого мужчины с аккуратной бородкой и подарил ему ласковую улыбку. Я не могла слышать, что они сказали друг другу, но эта радость в глазах и мгновенный шарящий взгляд посетителя говорили о многом. Например, о

том, что мне не стоит сегодня соваться домой – скорее всего, спальня окажется занята. Я пожалела, что после работы пришла сюда, а не поехала домой сразу, но с другой стороны, лучше уж так, чем потом, часа в четыре утра, во время самого сладкого сна, оказаться разбуженной грохотом в небольшой прихожей, перешептываниями, негромким интимным смехом и – потом – ритмичным скрипом кровати с глуховатыми стонами и вскриками. А потом, через четверть часа, полчаса, час – как повезет или не повезет, – все еще делая вид, что спишь, слышать стук стульчака унитаза, если его удосудят поднять, а потом негромкие голоса и храп до самого утра, когда тебе, злой и невыспавшейся, придется удирать на работу. И не потому, что без тебя никак – просто не хочется видеть этого бардака. Счастье, что было куда уйти утром. А если бы нет? Сидеть на лавочке во дворе или очередной кофейне, где меня уже давно знали и, возможно, посмеивались с легкой долей снисходительности? Разность менталитетов позволяла мне не обращать внимания на пересуды, а, может, я сама себя накручивала, но мне почему-то было не все равно.

Я зло разломала булочку и, отщипнув от нее кусочек, запила горьким кофе, осушив чашку залпом. Не стоило тащиться сюда, да еще среди ночи. Но я так устала и хотела нырнуть в свою постель, выбросив из головы суету и проблемы прошедшего дня, что наивно предположила: уж сегодня я точно отдохну как следует, а утром, возможно, проснусь

от сопения в ухо и тяжелой, как бревно, безвольной руки, поросшей черными волосами, которая придавит сверху. Надежды, как оказалось, были тщетны, и я в очередной раз с горечью подумала: все глупости мы совершаем от одиночества.

В кафе уже никого не было. Официантки разошлись полчаса назад. Кроме меня тут находился всего один человек. Хозяин паштеларии принес мне еще одну чашку кофе и, поставив на стол, сказал:

– За счет заведения, Алиси.

– Спасибо, Густаво, – ответила я. – Но не стоило. Я уже собиралась уходить. Да и тебе пора закрываться.

Я привыкла, что в Лиссабоне меня называют Алиси, хотя звучит это немного неправильно и странно. С хозяином паштеларии я познакомилась где-то полгода назад. Не знаю, как он выяснил причины моего интереса к бару напротив, но, видимо, разведка работала неплохо, а о конкуренте, пусть тот и не торговал свежей выпечкой, здесь знали все. Возможно, сказывалась близость заведений друг другу, или персонал в свободное от работы время чесал языками, но тайна быстро перестала быть таковой. Блондинка-иностранка не осталась без внимания, а выяснить остальное при желании оказалось несложно. За границей я почему-то подсознательно окружала себя подобными персонажами: мужчинами, которые думали, что они еще в соку, в то время как часики безжалостно показывали закат. Немного кокетства, и перед тобой верный

союзник, из тех, кто уже не слишком претендует на близость, но смотрит еще очень и очень охотно.

Густаво почесал живот и с неодобрением поглядел за окно, где сновал туда-сюда красивый, как картинка, бармен. Я терпеливо ждала, когда он выскажет свое мнение, которое я слышала не один раз и с которым в принципе была согласна.

– Этот щенок недостоин такой женщины, как ты, а ты совершила большую глупость, что связалась с ним, – сказал Густаво и сделал вид, что собирается плюнуть на пол, хотя если бы он посмел это сделать, то жена непременно узнала бы и проела ему плешь. Я переварила его фразу, мысленно переведя на русский и обратно, и пожала плечами:

– Почему же?

Густаво уселся за стол, подпер кулаками объемные щеки, отчего они стали казаться еще больше, и произнес с жалостью, которой, как мне кажется, не ощущал:

– Потому что ты нуждаешься в настоящем мужчине, который будет тебе защитой.

– Что поделать? – притворно огорчилась я. – Когда бедной девушке переваливает за тридцать, выбирать не приходится. Берешь, что подворачивается под руку. Ты же меня в жены не взял, хотя я была не против, а он – согласился. Но мое сердце будет твоим навек.

Густаво расхохотался:

– Услышь тебя сейчас Соледат, гнала бы обоих сковородой до самой Синтры, а если бы не повезло, то еще и обратно.

К тому же в Синтре все еще живет ее мамаша, да хранит ее святой Антоний! Старая ведьма никак не отдаст богу душу и вполне бодра. Я боюсь, что обратно они бы гнали меня вдвоем, и я не знаю, кто догнал бы первым. Так что, как бы мне ни хотелось, придется беречь семейный очаг, хотя я смотрю на тебя, и дьявол искушает каждый день. Но мое сердце уже не так резво, как раньше. Боюсь, что оно разорвется от такого испытания.

Из уважения ко мне Густаво говорил медленно, понимая, насколько трудно мне привыкать к живой речи местного населения, и я была ему за это признательна. Тем более что эта словесная эквилибристика несуществующего флирта меня невероятно развлекала. О ревности его жены в квартале знали все, даже туристы, которые заходили в паштеларию не только выпить кофе со свежей выпечкой, но и почесать языками. Густаво перевалило за шестьдесят, но на свои лета он не выглядел и, поговаривают, был тот еще ходок. Соледат, будучи моложе мужа всего на пару лет, то и дело являлась проверить, чем занят ее муженек, и, если полагала, что тот чрезмерно любезен с кем-то из посетительниц, выходила в зал с угощением, подсаживалась к клиенткам и начинала задушевную беседу, показывая фото детей и внуков. У Густаво и Соледат было пять дочерей, и все давно вышли замуж. Несмотря на то что Соледат ко мне подсаживалась дважды с одной и той же историей, я не запомнила ни одного имени. В первый раз я была немного напугана, во второй нача-

ла смеяться. Говорили, что Соледат не стесняется пустить в ход колотушку, и Густаво часто получает по темечку, но я не была в этом уверена.

– О, я бы этого не хотела, – встревожилась я. – Хочешь, я перестану к тебе приходить?

Густаво замахал руками.

– И остаться без той радости, что я испытываю, когда вижу тут твою мордашку? У меня не так много удовольствий осталось в жизни, Алиси. Так что я как-нибудь потерплю, хотя это все труднее и труднее делать.

– Я не сомневаюсь, Густаво, – усмехнулась я. – Может, твое сердце не такое, как двадцать лет назад, но я слышала, что все остальное работает превосходно. Каждый раз, когда ты проходишь мимо магазина донны Ноа, она краснеет и падает без чувств.

Донна Ноа владела магазином сувениров, и, на мой критичный взгляд, этой старой перечнице было за девяносто. Густаво расхохотался.

– Твой португальский становится лучше. До меня теперь сразу доходят твои шутки. Раньше я не понимал, серьезно ли ты говоришь или все-таки смеешься над стариком, тем более ты совершенно не меняешься в лице и произносишь все с таким серьезным видом! Пей свой кофе. Или, если хочешь, забери с собой. Мне и в самом деле пора закрываться. Погоди, я положу тебе немного кейжадашей и паштелей. И не маши на меня руками, это должен кто-то съесть.

Я сдалась, приняла от Густаво бумажный пакет с выпечкой, дождалась, пока он перельет мой кофе в картонный стаканчик, накроет крышкой и сунет в него соломинку, и вышла из кафе.

– Нет, в самом деле, – сказал Густаво, с натугой опуская заедающие ролл-ставни, – я не понимаю, зачем ты связалась с этим парнем? Ты же красавица, Алиси. Я понимаю сложность твоего положения, но ты могла поискать другие варианты.

– Ты уже тысячу раз задавал этот вопрос, – напомнила я, отбивая холодной улыбкой его вялое любопытство.

– А ты мне ни разу не ответила.

Не ответила я и в этот раз. Толпа из бара взвыла, салютуя каверу на недавний хит и делая беседу невозможной. Я воспользовалась ситуацией и вызвала «Убер». Пока Густаво закрывал замки, подъехало мое такси. Нырнув в спасительное нутро автомобиля, я помахала хозяину кафе рукой и откинулась на сиденье, мрачно думая о том, как мне надоело жить в положении вечной бродяжки.

Машина медленно пробиралась по проспекту Инфанта Генриха. Несмотря на поздний час, на дороге было не протолкнуться. Водитель, лысый араб, косился на меня в зеркало. Его масляные глаза плотоядно обшарили мою фигуру. Я криво усмехнулась: нет, дорогой, тебе тут ничего не обломится, даже не мечтай. В сумке, под ворохом барахла, для подобного похотливого сброда я припрятала кастет с выки-

духой, – рыночная дешевка, конечно, но выглядело устрашающе. Впрочем, водитель, видимо что-то почуяв, не сделал ни одной попытки установить контакт, всю дорогу помалкивал, хотя я была так зла, что взорвалась бы от любой попытки заговорить. Густаво слегка снизил заряд раздражения, но спустя пять минут после расставания от меня полетели искры. Я с нетерпением ждала, когда мы наконец-то доедем, и, кажется, нервозность передалась и водителю. Он заерзал и поехал быстрее.

Здание приюта для животных было темным, как и два часа назад, когда я уходила. Машина остановилась, и я вышла, почувствовав, как завибрировал телефон, когда со счета списали стоимость проезда. Открыв тяжелую калитку, я вошла и тут же заперла ее, не дожидаясь, когда машина тронется с места. Меня встретил лишь нестройный лай разбуженных собак в глубине вольеров. Я прошла к низенькому офису с покатою крышей, отперла дверь и, не зажигая света, прошла в самую дальнюю комнату, служившую и обеденной зоной, и комнатой отдыха. Только там я зажгла лампу.

Бобо, старый лабрадор-отказник, естественно, спал на диване и встретил меня слабым шевелением хвоста. Я погладила его по голове, и он сполз на пол в надежде на угощение, побеспокоив спавшую на нем Матильду, кошку-сфинкса, которая мерзла даже в дикую жару. Матильда покосилась на меня с отвращением, потянулась, выпуская из голых лап острые когти, душераздирающе зевнула и, усевшись копил-

кой, перевела взгляд на холодильник. Ее куцые усы скрутились жалкими спиральками.

– Попрошайки, – проворчала я, открыла дверцу и вынула консервы. Разделив угощение между животными, я вытащила из шкафа плед и подушку, застелила диван и, погасив свет, улеглась. Бобо, доев свою порцию, запрыгнул на постель и устроился в ногах, а спустя минуту явилась и Матильда, раскопала одеяло и забралась под него. Я нащупала ее голый зад и погладила, а потом повернулась на бок и закрыла глаза, думая о том, как я несчастна.

* * *

Первой на работу пришла Даниэла, крепко сбитая сорокалетняя тетка, с мощными ногами кавалериста и такими же усами над губой. При всей суровости облика Даниэла была созданием нежнейшим, обожала своего мужа и двоих отпрысков-двойняшек, давно упорхнувших во взрослую жизнь. Животных Даниэла тоже любила, поэтому в приюте была незаменимой и единственная получала полную ставку, выполняя одновременно функции шофера, доктора, менеджера и секретаря. Едва хлопнула калитка, как Бобо вскочил с дивана и помчался к дверям, несмотря на свои преклонные лета. Матильда с нагретого места уходить не желала, хотя я турнула ее и торопливо убрала постель, но все попытки были тщетны, несмотря на то что я замела следы, как смогла. Да-

ниэле, придерживающей два гигантских бумажных пакета с кормами: человеческим и животным, хватило одного взгляда.

– Ты опять ночевала здесь? – произнесла она, с отвращением глядя на мою всклокоченную голову.

Я не стала отвечать, лишь пожала плечами и отправилась в крохотный закуток, служивший нам туалетом и душевой, где умылась и как могла привела прическу в порядок. Когда я вернулась, Даниэла уже выгружала продукты в холодильник, отпихивая Бобо, показывающего, насколько он голоден.

– Если не трудно, выведи его на прогулку, – сказала Даниэла, не оборачиваясь. – Должна же от твоей ночевки быть хоть какая-то польза.

– Не думаю, что хочу слушать твое мнение, – ответила я и потянулась за поводком.

– Может, и не хочешь, но меня это не остановит. Если я не скажу тебе, то кто, Алиси? Поверь, никто не оценит твоей никому не нужной преданности и верности, и особенно – твой муженек. Жертва совершенно бессмысленна.

– Сегодня должны доставить корма для животных и наполнители для кошачьих туалетов, – напомнила я. – Проследи, чтобы количество совпадало, в прошлый раз нас нагрели на десять упаковок. И проверь консервы на просрочку.

Даниэла кивнула, выразив затылком свое неодобрение, но возразить ей было нечего. Мы сменили поставщика кормов месяц назад и, кажется, сделали это напрасно. Мало того, что

он каждый раз привозил грузы с задержкой на день-два, так еще доставку осуществляли два неприятных типа с жуликоватыми глазами, которые все норовили погладить меня по задку. Стоило большого труда удержаться, чтобы не смазать по этим лоснящимся физиономиям. Поставщика мне сосватала Даниэла, он приходился ей каким-то дальним родственником, бизнес которого медленно, но верно прогорал, оттого цены у него были немного ниже, чем у оптовиков. Две партии консервов были просрочены, но сроки показались мне не критичными. Я как-то смотрела передачу, в которой подробно объясняли, почему не стоит бояться консервации. Животные смолотили корма, и ни у кого даже животы не заболели, но в дальнейшем я требовала проверять все тщательнее.

– Вернешься, будем завтракать, – буркнула Даниэла и вильнула задом в сторону. Я обернулась, но кроме пакета с чем-то вроде большой кастрюли на столе не было ничего интересного.

Чувствуя немой вопрос, Даниэла смилостивилась и объяснила:

– В семь явилась свекровь с целым тазом катапланы – ей все кажется, что ее мальчик недоедает. Старой каракатице не объяснить, что мы теперь живем вдвоем и нам некуда девать эту прорву еды. Я и сама до сих пор не могу привыкнуть готовить на двоих, а тут еще она. Через пять минут мы уже поругались насмерть, и, клянусь, я воочию представила, как беру лицензию на ее отстрел, а потом украшаю стену напро-

тив кровати ее шкурой. Свекровь обиделась, пришлось брать еду на работу. По крайней мере, ты не останешься голодной.

Я хмыкнула, свистнула Бобо и вышла на улицу. За приютом был пустырь, где наши псы делали свои дела, а мы могли не утруждаться уборкой. Война Даниэлы со свекровью была такой же древней, как их ветвистая биография, уходящая своими корнями к вестготам и иберийцам. Старуха лезла во все дела своего единственного сына, его несчастной жены и детей, указывая, как и что делать, требовала безоговорочного повиновения, а в спорах могла и огреть по голове клюкой из черного металла со стершейся от возраста ручкой. Пару раз я видела ее в машине, когда Даниэла была вынуждена подвозить свекровь до вокзала. Точеный профиль старухи напоминал орлиный, такими же были ее очи, черные, как переспелые вишни – глаза хищника, зорко высматривающие добычу. Думаю, что свекровь хотела поглядеть на меня, чтобы оценить потенциальную опасность. Вот почему я никогда не приглашалась в дом Даниэлы и не была представлена ее мужу, как бы ни пыталась моя сотрудница выдать себя хозяйкой положения. Муж Даниэлы, по ее редким признаниям, не пропускал ни одной юбки, несмотря на внешнюю забитость и полную неспособность выражать собственное мнение.

Позже подошли и другие сотрудники приюта: юная Мануэла, горячая, резкая, на удивление некрасивая, напоминающая обезьянку, и столь же молодой Марко, тощий, несклад-

ный собачник, которому было жаль всех псов без исключения. Марко неплохо разбирался в компьютерах, и потому я в свое время поручила ему организовать агрессивную рассылку рекламы нашего приюта по социальным сетям, где не столько рассказывалось о наших достижениях, сколько высвечивались мордахи псов и котов, которых требовалось пристроить. Действовало это потрясающе, животных разбирали, даже возрастных, особенно когда я стригла псов и облагораживала кошек. Возвраты, конечно, случались, но не так часто, как прежде.

День прошел в рутинной работе. Я отвлеклась и забыла обо всем, когда часа в четыре зазвонил мой телефон, высветив на экране фото мужа. Я подержала пластмассовое тельце в руках, а потом решительно сдвинула картинку трубки на зеленый кружок.

– Алиси, прости меня, – привычно заныл Деметрио. – Только сейчас проснулся и понял, что ты не возвращалась домой. Мне так стыдно!

– Все нормально, – холодно ответила я. Таким искренним казалось его раскаяние и в прошлый раз, и в позапрошлый. Эгоистичное извинение ребенка, съевшего конфету и обещающего, что больше не будет, чтобы через минуту потянуться за новой, зная, что его простят.

– Нет, не нормально. Ты не должна спать где попало только потому, что мне захотелось потрахаться. Я чувствую себя полным дерьмом.

Я промолчала, чтобы муж почувствовал мое неодобрение, хотя знала, что надолго его раскаяния не хватит. Конкурировать со знойным красавцем из бара, учитывая наклонности Деметрио, я не могла.

– У меня новости, – наконец сказала я.

Теперь замолчал он, а потом восторженно воскликнул:

– Да? Тебе позвонили? Мы можем отпраздновать? Это здорово! Я позвоню родителям, они придут в восторг. По-моему, они ждали новостей больше тебя. Погоди, погоди. Я подумаю... Может, сходим в ресторан? Или дома? Да, лучше так, все-таки это домашняя история. Господи, бабушке тоже сообщу, пусть приезжает. Я так счастлив! Завтра, да?

За эту неподдельную ребячью радость Деметрио можно было простить все. Я согласилась на домашний ужин, при условии, что готовить мне не придется. Мужу было все равно, он положил трубку и перезвонил через четверть часа, с энтузиазмом рассказав, что готовку возьмут на себя мать и сестра, а торжественное мероприятие состоится не у нас, а в семейном доме Мендес. Я согласилась. Праздники семьи мужа всегда были масштабными, с обилием еды, шумных гостей, объятиями и поцелуями, но самое прекрасное в них – из этого дома всегда можно как уйти в собственную берлогу, так и остаться до самого конца.

Несмотря на то что семья Мендес освободила меня от готовки, я все равно сбежала с работы пораньше, чтобы принять участие в приготовлении торжественного ужина. Отлынивать было неудобно, в конце концов, праздник планировался в мою честь. К тому же требовалось ограничивать аппетиты домочадцев. Дай волю матери и бабке Деметрио, они бы созвали на праздник всю улицу и приготовили еды на целую роту солдат, а мне хотелось чего-то более камерного. К тому же я собиралась приготовить хотя бы несколько блюд из русской кухни, которые спустя два года все еще воспринимались в семье как экзотика. Больше всего Мендесы любили винегрет, а также тот кулинарный кошмар, который у меня на родине почему-то называют мясом по-французски, хотя нигде во Франции я его не ела и не видела. Что до остального, то Мендесы не любили ни борщ, ни пельмени, а поскольку я не особо много готовила, то отдала кулинарные изыски на их откуп.

Деметрио был единственным сыном в большой и довольно заполошной семье, разродившейся целым выводком дочерей, потому единственного мальчика воспринимали как божество. Только божество надежд не оправдало, склонив чашу весов своих сексуальных предпочтений на иную сторону. Мендесы, естественно, о происходящем знали, учиты-

вая криминальную биографию сына, дважды по молодости задерживаемого полицией за хулиганство. Потому его скоропалительная женитьба на мне вызвала у них противоречивые чувства: облегчение, смешанное с опаской. А вдруг эта настырная иностранка не наставит нашего мальчику на путь истинный, а – напротив, толкнет в пропасть? Больше двух лет ко мне присматривались, готовясь в случае необходимости впиться в горло, но позже страсти улеглись. Говоря обо мне с соседями, которые, естественно, о пристрастиях Деметрио знали, Мендесы говорили: наша милая Алиси...

Их старый дом находился совсем недалеко от площади Камоэнса в исторической части города, в пяти минутах ходьбы от площади Росиу. Трехэтажный дом глубокого синего цвета был втиснут между двумя другими – для Лиссабона дело обычное. Мендесы ютились на первом этаже, сдавая остальные комнаты туристам, что было весьма прибыльно, учитывая желание путешественников не переплачивать за дорогу к ближайшим развлечениям района Байра-Альту. До аэропорта тоже было всего семь километров, потому комнаты у Мендесов редко пустовали. За рюмочкой мадеры бабка Деметрио, а то и его мать, периодически пускались в пространные воспоминания, сколько усилий им стоило сохранить дом и не позволить превратить его в руины. Кажется, они ждали подобных откровений от меня, но плохой португальский спасал от лишней откровенности. Я говорила: мама недолго работала в театре, отец после развода эмигрировал,

а мой первый муж умер от инфаркта, – получала свою долю сочувствующих вздохов, и на этом болотце опасных разговоров затухало.

Свою долю в семейный ужин я вложила в виде десерта и мадеры, которые купила в лавке неподалеку от дома на площади Росиу, клубящейся разноязыким многолюдием. Иногда мое ухо вылавливало обрывки русской речи, и я инстинктивно подавалась вслед, чтобы тут же отпрянуть. Сегодня на пути соотечественники не встретились, а Роза, хозяйка лавки, продавая мне вино, заговорщически подмигнула.

– Кажется, у кого-то есть повод выпить рюмочку, а? – хмыкнула она.

– Да, дорогая, я дождалась, – подтвердила я и пригласила зайти вечером. Роза обещала, а я, забрав покупки, отправилась к Мендесам, которых спустя два года так и не смогла назвать своей семьей.

В холле торчали туристы, а Анна-Хосе, старшая сестра Деметрио, заморенно улыбалась им и заполняла какие-то бумаги, то ли на вселение, то ли наоборот. Рюкзаки у ног туристов ясности не добавляли, но судя по их восторженным лицам, они только приехали и намеревались поскорее бросить барахло в своей комнате и отправиться осматривать Лиссабон. Анна-Хосе кивнула. Я кивнула в ответ, проходя холл насквозь, к дальним комнатам, где на задворках ютилась вся орава. Ноздри защекотал аромат блюда из морепродуктов. Мендесы всегда готовили аррош де маришку на любое се-

мейное торжество, а также свинину и курицу под соусом. Семья уже собралась, даже Деметрио, сбежав с работы пораньше, восседал на своем привычном месте, по левую руку от бабушки. Почти оглохшая донна Росаура на единственного внука поглядывала с умилением и то и дело гладила его по руке, как собаку, а Деметрио старательно разрезал кусочки мяса на ее тарелке. У Росауры из-за артрита действовала лишь одна рука, вторая, скрюченная, как птичья лапа, с ножом справиться не могла, а вот зубы – фамильная гордость Мендесов – сохранились великолепно. При виде меня Деметрио вскочил, обнял за плечи и радостно воскликнул:

– Ну, покажи, покажи скорее!

– Сейчас, – отмахнулась я и всучила ему пакет с покупками. – Где Елена?

Мать Деметрио нашлась на кухне. После смерти мужа на ее плечи упало управление хостелом, в который превратился семейный дом. Надо сказать, у Элены это выходило неплохо, но все попытки приобщить к семейному делу сына пошли крахом после того, как несколько лет назад Деметрио растратил уйму денег на сомнительные развлечения. Елена наивно полагала, что кровиночка решил стать актером и даже посещает некие курсы. Каково же было ее разочарование, когда ей позвонили из полиции и предложили внести за великовозрастного оболтуса залог. Тогда же Елена узнала, что Деметрио неоднократно запускал ручонки в закрома хостела. Больше сыночка к кассе не допускали. Тихим тра-

гичным шепотом Элена рассказала, как скрепя сердце вымела Деметрио из дома: велела убираться и не возвращаться, пока не найдет работу. Моего будущего мужа тогда изрядно помотало, но Элена не смягчилась, пока Деметрио не устроился в бар. Но даже после того он не вернулся на площадь Камоэнса, предпочтя жить свободно, подальше от бдительного ока мамочки. Элена же из себя выходила, но приструнить блудного сына, вкусившего запретного плода развлечений Лиссабона, не смогла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.